

УДК 343.241

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.310-323

ЛАРИСА ИВАНОВНА БЕЛЯЕВА,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: beliaeva_055@mail.ru

О ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ, КАК О МЕРЕ НАКАЗАНИЯ, И О ПОРЯДКЕ ОТБЫВАНИЯ ТАКОВОГО (ВРЕМЕННАЯ ИНСТРУКЦИЯ): ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СТОЛЕТИЕ

Для цитирования

Беляева, Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие / Л. И. Беляева // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 310–323. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.310-323.

Аннотация. В статье рассматриваются обстоятельства, обусловившие появление Временной инструкции «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового», анализируются ее содержание и влияние на правоприменительную практику. Включение в научный оборот значительного числа архивных источников, их сравнительный анализ позволили охарактеризовать особенности такого юридического документа и показать последствия его применения на практике. Отмечается, что Временная инструкция сыграла роль стабилизатора, что позволило приостановить распад исправительных учреждений и криминальный беспредел. В условиях разрушения старого и формирования нового государственного аппарата она позволила практическим работникам определить профессиональную и личную линию поведения, поскольку давала разъяснения относительно того, что требуется от персонала, как следует относиться к заключенным, какие меры применять и прочее. Временная инструкция устанавливала хотя и общие, но вполне официальные требования к поведению заключенных и выражала взгляды на сущность и содержание лишения свободы, особенности его исполнения и отбывания. Временная инструкция явилась первым правовым актом, закрепившим систему учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и общие начала их деятельности, заложила основы развития системы мест лишения свободы, которые в дальнейшем перешли от учреждений тюремного типа к учреждениям воспитательного характера.

© Беляева Л. И., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: лишение свободы, наказание, временная инструкция, места заключения, средства воспитания, организация труда, профессиональное обучение, подготовка кадров, индивидуальный подход, нарушители режима, помощь освобожденным из мест заключения.

Для того чтобы понять и оценить значение исторического документа в развитии определенных общественных отношений, необходимо принять во внимание условия, обстановку, в которых он появился. Не избежать этого и применительно к Временной инструкции «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» (утверждена Постановлением НКЮ от 23 июля 1918 г.), появившейся 100 лет назад.

Нельзя сказать, что это был доселе неизвестный тип документа. Достаточно вспомнить, что исполнение наказания в виде лишения свободы в Российской империи регламентировалось уставами о содержащихся под стражей и ссыльных, Общей тюремной инструкцией и др.

Тем не менее Временная инструкция заслуживает исследовательского внимания. На жизни царской тюрьмы не могли не отразиться социальные события, происходившие в стране: Первая мировая война и связанная с ней эвакуация, революционные преобразования, Гражданская война и пр. При этом неизменными оставались тюремные здания, тюремные работники, тюремные сидельцы. Хотя жизнь в тюрьме менялась, и не всегда в лучшую сторону.

Во времена правления левых эсеров, отмечал П. И. Стучка, в Комиссариате юстиции даже забыли, что существует особое Главное управление местами заключения, оно продолжало существовать в старом составе [1]. Как следствие этого, свидетельствуют архивные документы, Главное управление, не подвергшееся персональным переменам, саботировало работу, с местами связи не поддерживало. В провинции действовали кто во что горазд.

В первые семь-восемь месяцев этого периода деятельность Главного управления местами заключения как бы замерла, застыла, как отмечалось в отчете Центрального карательного отдела НКЮ VII Съезду Советов. Ясного представления о методах управления не было. Все это привело к тому, что в некоторых местах распространилось самоуправление заключенных, выразившееся в полном регулировании ими самими всей внутренней жизни, администрация лишь присутствовала при том. Понятно, что с таким положением мириться было нельзя, надо было что-то предпринимать.

Преобразования в области исполнения наказания начались вскоре после изменений в государственной власти. Это выразилось в отмене ряда нормативных правовых актов, изменении режима содержания заключенных, порядка взаимоотношений администрации с ними. Однако эти преобразования носили фрагментарный характер и часто без всяких правовых оснований, силой революционного творчества масс, руководствовавшихся лишь собственным революционным правосознанием [2, с. 11]. Между тем время, социальные преобразования требовали создания новой правовой основы деятельности мест заключения, что позволило бы изменить их жизнь, дух, назначение. Определенные шаги в этом направлении были осуществлены. В начале 1918 г. были приняты Инструкция о порядке содержания в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, Постановление НКЮ РСФСР «О тюремных рабочих командах» и др. В них нашли отражение идеи гуманизации исполнения наказаний: отмена каторжного труда, введение его оплаты, регламентация внутренней тюремной жизни и др.

Принципиальным являлось положение о том, что труд не должен быть средством усиления репрессии. Он рассматривался как необходимое условие жизни и не мог быть чрезмерно тяжелым, что определялось характером и объемом работы обычного чернорабочего, вводилась его оплата. Несмотря на такие позитивные начала, этого было недостаточно, и требовались более системные решения.

Основные направления преобразования прежней тюремной системы были определены в циркуляре НКЮ РСФСР от 24 мая 1918 г. № 3777. Именно в нем заявлялось, что прежняя тюремная система упраздняется, а все ее функции переходят к особым органам местных комиссариатов юстиции. При этом Главное управление местами заключения переименовывалось в Карательный отдел НКЮ. В циркуляре отмечалось, что главное состоит не в переименовании, а в том, что цель всех изменений заключается не только в переломе во всей системе управления местами заключения, но и в самой постановке отбывания наказания. Для этого прежде всего необходимо на местах вместо старого безжизненного аппарата создать новый жизнеспособный. Важно также организовать общественные работы. Трудовая жизнь для тюрьмы обязательна, но не в прежнем виде [ГА РФ. Оп. 2. Д. 587. Л. 3–4].

Эти положения нашли отражение во Временной инструкции НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового». Этот документ принципиально отличался от ранее принятых тем, что в нем была изложена система правил, требований, регламентирующих основные направления деятельности, связанные с исполнением наказания.

Тезис о том, что уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных утратили силу, был закреплен в п. 1 Временной инструкции.

Инструкция отменяла деление мест заключения на разряды по тяжести наказания, устанавливала обязательность труда заключенных, необходимость развития сельскохозяйственных колоний и учреждений для несовершеннолетних.

Действие Инструкции распространялось на лиц, лишенных свободы, а также на приговоренных к кратковременным (до 3 месяцев) принудительным работам без заключения под стражу на время, свободное от работы, и подследственных. Устанавливалась новая система мест заключения, к которой относились:

- 1) общие места заключения (тюрьма);
- 2) реформатории и земледельческие колонии как учреждения воспитательно-карательные, в особенности для молодых преступников;
- 3) испытательные заведения для лиц, по отношению к которым имеются основания для послабления режима или досрочного освобождения;
- 4) карательно-лечебные заведения для помещения лиц с заметно выраженными дефектами, дегенератов и т. п.;
- 5) тюремные больницы.

Кроме того, Инструкция сохраняла арестные дома для кратковременного содержания задержанных милицией и числящихся за народными судами и для арестантов, подлежащих пересылке.

Несмотря на то что новая власть категорически отвергала опыт деятельности дореволюционного тюремного ведомства, ей все-таки не удалось обойтись без него. В п. 2 Временной инструкции обозначены учреждения воспитательно-карательные для молодых преступников. И если реформатории были чем-то новым, заимствованным из-за рубежа, то земледельческие колонии – результат воплощения в России идеи о том, что несовершеннолетние правонарушители должны содержаться в учреждениях, для них

только и предназначенных, и отдельно от взрослых [3]. Опыт деятельности этих учреждений в XIX – начале XX в. в настоящее время изучен и обобщен [4].

Составители Инструкции, конечно, стремились избежать преемственности в формировании документов, регламентирующих процесс исполнения наказаний. В известной мере это удавалось, хотя от общих положений отойти было невозможно. Так, в Инструкции имеется раздел «Организация руководства применением наказаний». Очевидно, что здесь речь может и должна идти об управлении местами заключения. Именно так и назывался этот раздел в Общей тюремной инструкции. Содержательно эти инструкции отличались друг от друга. Однако их логика объективно не могла быть различной. В таком документе должны быть определены место и роль администрации, порядок управления, права и обязанности персонала и заключенных, меры воздействия на них, материально-техническое обеспечение и пр. В этом смысле прав М. Г. Детков, утверждая, что Инструкция продолжила дореволюционную практику регулирования процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы [5, с. 11–12].

Принципиальные различия этих документов заключались в том, что Временная инструкция ориентировала на формирование новой системы мест лишения свободы, на оказание воспитательного воздействия на осужденных и учет при этом их индивидуальных особенностей. Уже сама структура Карательного отдела НКЮ (п. 7) является свидетельством тому. Отдел состоял из нескольких отделений и совещаний: 1-е отделение – по выработке воспитательно-трудовых методов и карательных мер, 2-е – распределительное, 3-е – техническое, 4-е – сельскохозяйственное, 5-е – врачебно-санитарное, 6-е – снабжения, 7-е – строительное, 8-е – конвойное, 9-е – помощи отбывшим наказание. Этим определялись основные направления, способные преобразовать места заключения.

В указанном документе в прямой постановке не содержалось норм о целях и задачах лишения свободы, принципах исполнения наказания, правовом положении персонала мест заключения и осужденных, содержащихся в них. Однако анализ документа позволяет отметить его гуманистический, социально ориентированный характер.

Как следует из п. 7 Инструкции, в местах заключения должно осуществляться воспитание, которое позволит лицу, отбывшему наказание, приспособиться к жизни на свободе. В этих целях предусматривалось использование определенных средств воспитания: труд, профессиональное обучение, общее образование и воспитание, режим и условия содержания, поощрения и взыскания. В Инструкции они именуются воспитательно-трудовыми мерами.

В соответствии с господствующей идеей главным средством воспитания по Инструкции является труд, который следует организовать во всех местах заключения. Для этого в них должны быть устроены и оборудованы мастерские, снабженные инвентарем, инструментами и материалами. Предусматривалось обязательное техническое инструктирование работающих. При этом в Инструкции отмечались некоторые особенности организации труда в общих местах заключения (тюрьмах): он мог быть организован в самой тюрьме или за ее пределами.

Центральный карательный отдел своим циркуляром № 32 от 7 августа 1918 г. предусмотрел создание некоторых мастерских, организацию работ заключенных вне тюрьмы. Циркуляр № 32 от 4 сентября 1918 г. установил обязательность работ для всех здоровых заключенных.

Инструкция устанавливала, что сельскохозяйственный труд также нуждается в соответствующем обеспечении инвентарем, материалами, кадрами.

Согласно п. 21 Инструкции все трудоспособные осужденные должны привлекаться к физическому труду, при этом следовало принимать во внимание состояние здоровья и рекомендации медперсонала по распределению на соответствующих работах (пп. 7, 18, 21, 27).

Работа осужденных в соответствии с Инструкцией оплачивалась. В п. 27 устанавливались общие положения об оплате труда. При этом обращалось внимание на то, что вознаграждение за труд в местах заключения производится по ставкам профессиональных союзов конкретной местности. Такой подход, безусловно, позволял, с одной стороны, исключить из жизни мест заключения отношение к труду как средству кары, а с другой – установить связь с жизнью за пределами учреждения. Именно с той жизнью, в которую предстояло возвращаться.

Ценным представляется положение о том, что распределение по категориям и установление сделных расценок осуществлялось коллегиально: заведующим работами, инструкторами и представителями заключенных, рекомендованных инструкторами.

Доходы (заработок) и расходы каждого заключенного в соответствии с Инструкцией учитывались на лицевом счете и в специальной книжке.

Нельзя не признать, что это вполне педагогические решения, способствующие формированию жизненных перспектив ответственности и самостоятельности.

Примечательно, что Инструкция предусматривала привлечение к труду, хотя бы и неквалифицированному, подсудимых, то есть оказание воспитательного воздействия и на этих лиц.

В Инструкции закреплялось общее положение о том, что в местах заключения должно быть организовано профессиональное обучение. Однако ни его содержание, ни направления не определялись, хотя сравнительное толкование положений Инструкции позволяет сделать некоторые предположения. Составителям Инструкции в целом о профессиональном обучении было известно из предшествующего опыта. Система профессионального образования в России включала в себя профессионально-технические или ремесленные школы, курсы, сельскохозяйственные школы и училища [6–9]. Элементы этой системы были отчасти использованы в тюремной системе [10–13], но наиболее успешно – в воспитании несовершеннолетних правонарушителей. В дореволюционных учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей сложилась определенная система организации такого обучения [14]. Некоторые из элементов этого опыта проступают в Инструкции. В частности, как следует из нее, профессиональное обучение могло осуществляться по двум направлениям: техническому (производственному) и сельскохозяйственному. При этом в Инструкции особое внимание уделялось земледельческим колониям и созданию колоний – земледельческих школ. Земледельческие школы, школы садоводства – это опыт российских исправительных учреждений для несовершеннолетних. Они существовали в Воронежском, Смоленском, Симферопольском, Тульском и других исправительных заведениях [4, с. 188–189].

Ничего удивительного в том, что этот опыт оказался востребованным в новых условиях, нет. Ведь многие специалисты, носители прогрессивных для этого времени идей, приняли новую власть с надеждой на воплощение этих идей. Известно, что в 1918 г., то есть в период формирования Инструкции, в Центральном карательном отделе НКЮ служили С. В. Познышев [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 613. Л. 2], П. Г. Бельский, П. В. Всесвятский [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 617. Л. 4], И. М. Диомидов [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 568. Л. 62], Н. В. Терзиев [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 628. Л. 8], Е. Н. Тарновский [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 20. Л. 61] и др. Все они были специалистами в организации исправления несовер-

шеннолетних правонарушителей. В Инструкции видится реализация ряда идей, высказанных еще до революции, правда, в несколько ином виде.

Несмотря на то что места лишения свободы изолируют конкретных людей от социума, дух общественной жизни распространяется и сюда. Одной из главенствующих идей, связанных с преобразованием жизни, была идея о всеобщем образовании. Естественно, что она воплотилась и в Инструкции, которая устанавливала обязательность общего образования и воспитания. Воспитание следовало строить согласно провозглашенным ценностям и идеалам.

Отметим положение о подготовке кадров для работы в местах заключения. Во-первых, в Инструкции говорилось о необходимости формирования кадрового состава учителей: «Создание кадра учителей». До сего времени таких кадров не было, хотя школьное обучение и осуществлялось, но добровольцами.

Во-вторых, в Инструкции был поставлен вопрос об организации курсов для работников тюремного дела. Шаг не новый. В свое время при Главном тюремном управлении тюремные курсы существовали [ГА РФ. Ф. 122. Оп. 1.4.2. Д. 4929. Л. 158; Ф. 7420. Оп. 1. Д. 122, Л. 40].

Несколько позднее, когда уже в новых условиях такие курсы были учреждены, ими заведовал профессор С. В. Познышев [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 634. Л. 117], преподавателем состоял профессор Г. С. Фельдштейн [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 634. Л. 151] и другие известные специалисты в области тюремного дела.

В-третьих, и это наиболее ценное, Инструкция ориентировала на привлечение к работе педагогического состава и специалистов в конкретных отраслях: технических, сельскохозяйственных, медицинских и пр. Эта мысль находит развитие в п. 10, где особо отмечается, что местные карательные отделы должны включать в себя специалистов-педагогов (или психиатров), инженеров, агрономов, врачей.

Инструкция определяла типовую штатную структуру места заключения: начальник (заведующий), один-два помощника, заведующий работами со штатом инспекторов по специальностям и направлениям, заведующий воспитательной частью, при нем штат воспитателей для отдельных групп заключенных, заведующий учебной частью и учителя, врач. Неоднократно отмечалось, что необходимо подбирать для работы соответствующий персонал, специалистов.

В Инструкции излагалось одно из главных требований к деятельности карательных органов – подчинение всем законам, распоряжениям Центрального карательного отдела и его контролю. Это, безусловно, должно было способствовать установлению режима законности в местах заключения.

Вполне в духе времени предусматривались коллегиальные органы, назначением которых являлось рассмотрение практических вопросов и выработка соответствующих рекомендаций. Это были постоянные совещания, состоящие при соответствующих отделениях Карательного отдела. Таких отделений было девять, но согласно п. 8 совещаний могло быть три в зависимости от характера вопросов, которые следовало рассматривать:

- 1) совещание по пенитенциарным вопросам теоретического характера. В нем предполагалось представительство 1, 2, 5, 9-го отделений;

- 2) совещание по вопросам практического применения воспитательно-трудовых мер в организации работ (1, 2, 3, 4, 5-е отделения);

- 3) совещание по вопросам административно-хозяйственным (3, 5, 6, 7-е отделения).

Очевидно, что предполагалось активное использование научных знаний в практике исполнения наказания в виде лишения свободы; выработка единообразных подходов

к разрешению практических вопросов; четкая организация административно-хозяйственной деятельности: оборудование помещений, обеспечение лечения, снабжение продуктовым и вещевым довольствием и пр.

Состав совещаний предусматривался относительно определенно. Так, устанавливалось, что сюда входят заведующие соответствующими отделениями, их помощники и сведующие лица, причем круг сведующих лиц очерчен для первого совещания. Сведующие лица, участвующие в нем, могли быть как сотрудниками отдела, так и посторонними.

Некоторые сведения о характере и содержании таких совещаний сохранились в архивах [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 617].

Такие же совещания предписывались к организации на местах. В состав таких совещаний при местных карательных отделах согласно п. 10 включались педагоги и специалисты как из числа служащих, так и извне, что, конечно, должно было укреплять связь с жизнью, формировать перспективы развития.

Непосредственно в местах лишения свободы также предусматривалась работа коллегиальных органов. Пунктом 11 определялось, что при заведующем состоит коллегия, в состав которой входят: он сам, его помощники и лица педагогического, врачебного и инструкторского состава в соответствии с рекомендациями местных комиссариатов юстиции. Кроме того, коллегиальным органом являлись распределительные комиссии, в состав которых входили заведующий (заместитель) карательного отдела, заведующий местами заключения и приглашенные специалисты. Задачей комиссии являлось распределение лиц, находящихся во временном отделении тюрьмы, по разрядам лишения свободы. Распределение осужденных – вопрос не праздный. Более того, он был довольно сложным и важным. Это проистекало из того, что суд не определял учреждение, в которое следовало помещать осужденного, и разряд в соответствии с объявленной прогрессивной системой.

Инструкцией предусматривался обязательный учет осужденных, поступивших в места заключения, и контроль за их движением: перевод в другое место заключения, освобождение (п. 15).

Все осужденные направлялись в общую тюрьму во временное отделение, в котором они содержались до распределения. Как следует из Инструкции, распределение осуществлялось по родам и размерам наказания (п. 7, 2-е отделение), по категориям и группам (пп. 7, 11): по разрядам лишения свободы (п. 16). Понятно, что для столь детальной и объемной работы требовалась специальная структура, способная к осуществлению поставленных задач.

Инструкция в качестве таковых определяла распределительные комиссии (пп. 16, 17). Комиссиям предписывалось, кроме того, представление народному суду (в отношении осужденных) либо следственной комиссии (в отношении подследственных) о досрочном условном освобождении от наказания или об освобождении под залог, поручительстве, отобрании подписки о явке в суд по вызову (п. 20). В соответствии с п. 28 Инструкции комиссии надлежало принимать решения относительно лиц, признанных неисправившимися, о применении предусмотренных мер репрессии.

От комиссии зависело признание неисправимых осужденных хулиганами, погромщиками или упорными рецидивистами, за которым следовало представление в местный Революционный трибунал для решения вопроса об их дальнейшей изоляции (п. 29). Поскольку в самой Инструкции никаких указаний относительно организации деятельности комиссии не содержалось, то было принято положение об организации распределительных комиссий, которое и восполнило имеющийся пробел [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 590. Л. 79–79 об.; Ф. А-353. Оп. 2. Д. 591. Л. 48–48 об.].

Инструкция закрепляла принцип индивидуализации исполнения наказания. В ней в общих, но достаточно четких положениях устанавливались требования индивидуального подхода к заключенным. Об этом говорится в п. 7 «Применение различных видов тюремного заключения и работ к отдельным категориям преступников. Принцип применения разумного режима в связи с результатами действия исправительных мер».

Специальным разделом Инструкции определялся порядок содержания в местах лишения свободы. Устанавливалось, что все осужденные, являющиеся трудоспособными, должны привлекаться к труду. Лишенные свободы должны содержаться в помещении постоянно, за исключением времени, отведенного на работу, другие занятия, предусмотренные внутренним порядком, и прогулки.

Вся жизнь в учреждении подчинялась внутреннему распорядку, который устанавливался местными карательными отделами. При этом в соответствии с п. 24 сохраняли свою силу и положения Общей тюремной инструкции, которые не были отменены и не противоречили Временной инструкции. Очевидно, что преемственность здесь налицо.

Гуманистические устремления новой власти проявлялись в том, что лицам, осужденным на срок до 1 года, и подсудимым по семейным обстоятельствам разрешалось предоставление отпуска на срок не более 2 недель (п. 23); труд оплачивался по общепрофессиональным ставкам. Примерное поведение поощрялось досрочным освобождением от отбывания наказания (пп. 7, 20); жалобы и заявления не должны были оставаться без рассмотрения (п. 7; 2, 8-е отделения). При этом, правда, Инструкция была недостаточно последовательной: не были определены стимулирующие положительное поведение меры, кроме досрочного условного освобождения, которое, кстати, российскому законодательству известно с более ранних времен – с 1866 г. [15], а российскому правоприменителю – с 1871 г., когда оно стало применяться по отношению к несовершеннолетним.

Более определенной Инструкция была по отношению к нарушителям установленных ею правил и правил внутреннего распорядка.

Временная инструкция дифференцировала нарушителей режима содержания в зависимости от характера нарушений. Это лица, нарушающие порядок и дисциплину, и лица, отказывающиеся работать без основательных для этого причин.

К первой группе нарушителей предусматривались следующие меры воздействия:

- 1) ужесточение режима содержания (лишение свиданий, переписки и пр.);
- 2) усиление изоляции (одиночное заключение, карцер до 14 дней);
- 3) перевод в специальные тюрьмы (изоляция лиц, проявляющих упорное недопустимое поведение).

К лицам, отказывающимся от работы, предусматривалось применение довольно жестких мер. С момента отказа от работы на счет осужденного записывались все расходы, связанные с содержанием в учреждении. При этом отказчик предупреждался о том, что он будет находиться в тюрьме до тех пор, пока сальдо не выровняется в его пользу, даже если для этого потребуется время, превосходящее срок наказания.

Если это не оказывало воздействия, осужденный мог быть переведен на уменьшенный, в сравнении с другими, продовольственный паек как неработающий.

Если же и эти меры оказывались недостаточными, Инструкция предусматривала направление в изолятор (тюрьму) как неисправимого.

Примечательно, что в документе установлены «барьеры» для субъективизма, волюнтаризма и злоупотреблений по отношению к осужденным. Так, все ограничения,

предусмотренные для нарушителей, могли устанавливаться с согласия распределительной комиссии. Перевод в специальные тюрьмы (изоляторы) мог применяться только комиссией, удлинение срока лишения свободы свыше 1 месяца – решением местного народного суда, по представлению комиссии.

Вместе с тем небезопасным было то обстоятельство, что заключенный мог направляться в учреждение, существование которого не имело правовых оснований. Ведь в числе мест заключения в п. 3 никаких изоляторов или иных мест заключения, кроме общих, не предусмотрено. Мало того, в одном случае изолятор – это специальная тюрьма, а в другом он же, как следует из п. 28, – особая тюрьма.

Толкование этой нормы, с учетом характера нарушений, особенностей лиц, к которым эта мера могла применяться, порядка перевода и органов, правомочных на это, заставляет прийти к выводу о том, что речь идет еще о двух видах мест заключений, существование которых как бы само собой разумеется, и действие Инструкции на них не распространяется.

Такое положение вещей – шаг к узаконенному беззаконию.

Инструкция предписывала соответствующее медицинское обследование арестантов, продовольственное и вещевое снабжение, оборудование помещений, их освещение и отопление, охрану и конвоирование заключенных.

Вполне логично, что Инструкция указывала на необходимость надзора за отбывающими наказание и попечения, принятие мер к образованию патронатов на местах, организации съездов представителей патронатов. Стоит отметить, что вопрос о патронате, под которым понималась помощь лицам, выходящим из тюрьмы, в организации самостоятельной жизни на свободе, не являлся новацией. Вопросы теории и практики патроната активно разрабатывались в отечественной и зарубежной литературе еще в XIX в. [16]. Большой вклад в разработку учения о патронате внесли В. А. Акимов, Е. М. Баранцевич, С. К. Гогель, Я. И. Курлянд, Г. В. Демченко, П. И. Люблинский, С. В. Познышев, Г. С. Фельдштейн [17–26] и др. Последние исследователи, как уже отмечалось, служили в НКЮ, были носителями передовых идей и опыта, который и отразился в анализируемом документе. Показательно, что в Инструкции сохранена терминология, сформированная в дореволюционный период: «патронат», «съезд представителей патронатов». В свое время исследователи проблем патроната отмечали как один из самых серьезных недостатков его организации то, что он целиком зависит от общественных сил и государство никак в нем не участвует [26].

В Инструкции мы видим решение этой проблемы. В ее п. 7 9-го отделения речь идет об образовании патронатов при местных советах, что актуально и сегодня.

Однако спустя некоторое время указанная терминология была исключена из жизни. На смену патронату пришли комитеты помощи освобожденным из мест заключения [ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 2. Л. 42–45].

Внимательный анализ Инструкции позволяет констатировать, что в ней нашли отражение наиболее прогрессивные принципы исполнения наказания в виде лишения свободы и содержания под стражей: гуманизм, законность, педагогизация процесса правоприменения, индивидуальный подход к заключенным, использование мер поощрения и взыскания; сотрудничество администрации и заключенных; коллегиальность в решении важных вопросов; активность и самостоятельность осужденных и др. Однако реализация положений Инструкции далеко отошла от ее идеалов. Воплотить их в жизнь оказалось не по силам героям того времени: не было ни средств, ни людей. Старых тюремных служащих на местах без разбора не только увольняли, но и уничтожали. Только в центральном

аппарате оставались некоторые из прежних сотрудников тюремных ведомств: П. И. Лерхе [ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 85. Д. 4300], В. М. Мелких [ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 86. Д. 329] и др. На смену прежним служащим приходили новые силы, в недалеком прошлом сами тюремные сидельцы, часто просто уголовники, имевшие свое видение жизни тюрьмы.

Результаты проведения в жизнь Временной инструкции памятливы и, к сожалению, печальны. Архивные свидетельства говорят о том, как это было, и доносят до современников голоса эпохи.

Вступление в силу Временной инструкции положило начало созданию новых учреждений для исполнения наказания, что в условиях войны и разрухи, социальной нестабильности было совсем не просто. Карательный отдел НКЮ искал пути решения этого вопроса и находил архивные свидетельства таковых.

19 ноября 1918 г. в НКЮ состоялось совещание по пенитенциарным вопросам, где в числе прочих обсуждался вопрос о судьбе реформаториев, организация которых предусматривалась Временной инструкцией, и они фактически уже существовали. Единичные пока. Как свидетельствует журнал № 5 указанного совещания, в нем принимал участие и директор Московского реформатория П. В. Всесвятский.

Совещание пришло к выводу о том, что реализовывать положение Инструкции об организации реформаториев следует путем приспособления монастырей под места заключения. Согласно этому решению был подготовлен соответствующий циркуляр [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 617. Л. 4].

27 ноября 1918 г. в губернские отделы юстиции был направлен циркуляр № 90 о том, что Временная инструкция предписывает создание специальных учреждений, в частности реформаториев – испытательных и лечебных карательных учреждений, которые требуют особой устроенности и оборудования зданий. Отмечалось, что тюрьмы не могут быть для этого приспособлены, рассчитывать на постройку новых зданий ввиду отсутствия средств и людей нет оснований, а потребность в этих учреждениях является столь острой, что необходимо приспособить под них какие-либо уже существующие помещения. Центральный карательный отдел полагал, что для этой цели вполне подойдут монастыри, в которых имеется все необходимое для обслуживания большого количества людей: кухни, трапезные, кельи, мастерские, сады, огороды и пр. Исходя из этого губернским отделам поручалось как можно быстрее выяснить, каковы возможности использования в указанном направлении монастырей, имеющихся в губерниях [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 585. Л. 85–85 об.]. Такие возможности, как мы знаем, нашлись.

Практически одновременно на места был направлен циркуляр от 30 ноября 1918 г. № 89 об организации сельскохозяйственных колоний [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 585. Л. 87]. Для отечественной системы мест заключения это был новый тип учреждений. Работа по их созданию началась еще весной 1918 г.

В соответствии с Постановлением СНК от 24 мая 1918 г. бывшая в ведении попечительства над освобождаемыми из мест заключения лицами земледельческая колония имени Грачевых при с. Троицком Подольского уезда перешла в распоряжение Карательного отдела НКЮ. О ней, пожалуй, можно сказать особо. Она была учреждена в 1910 г. Московским обществом ремесленно-земледельческих колоний для лиц, освобождаемых из мест заключения, и имела своей целью трудовое приращение и обучение сельскохозяйственным работам с тем, чтобы помочь вернуться к нормальной жизни [27, с. 11–15]. Со временем здесь открыли воскресную школу, ввели должность врача, который лечил от алкоголизма. По существу, это был центр социальной помощи выходцам из тюрьмы [16, с. 20–21]. Членами этого общества были известные люди: К. П. Бахрушин,

Н. И. Гучков – московский городской глава, В. Ф. Джунковский – московский губернатор, А. А. Андрианов – московский градоначальник, С. В. Познышев – профессор Московского университета и др. Эту колонию с ее инфраструктурой, штатами, материальными ценностями, еще сохранившимися, решено было использовать для создания сельскохозяйственной колонии. Наблюдение за колонией и организация дел в ней были поручены Московской губернской тюремной коллегии, которая стала именовать заведение 1-я Московская трудовая колония для лишенных свободы. Функционировать она начала с 1 июля 1918 г. [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 627. Л. 2].

Первым заведующим колонии был назначен М. И. Трушковский [ГА РФ. Ф. 474. Оп. 6. Д. 58. Л. 25]. Архивные документы свидетельствуют о том, какие тяготы и испытания выпали на его долю и тех, кто в ней служил и отбывал наказание. Первая мировая война и революция, конечно, не прошли мимо колонии. Жизнь в ней, по существу, была парализована. Хозяйство находилось в упадке, всюду царил разруха, не было инвентаря, не хватало людей (заключенных) для ведения сельскохозяйственных работ, служащих для охраны.

Необходимо было колонию наполнить людьми. Сюда стали направлять и подследственных, и административно арестованных, и просто задержанных, которые работать не хотели, разбегались. Для их содержания нужны были сотрудники. Прежний штат не сохранился. Новые люди сюда не шли. Для несения службы вахтовым методом стали направляться служащие из московских тюрем: Бутырской, Таганской и др. Понятно, что случайные здесь люди не хотели, да и не могли должным образом нести службу.

Колония эта была детищем С. В. Познышева, и на его глазах она погибала.

Вся деятельность М. И. Трушковского – это борьба за жизнь учреждения. В своих письмах, телеграммах он просит руководство Карательного отдела ускорить доставку семян и инвентаря, позднее гвоздей, предметов обихода, мыла и пр. На что ему обещают вступить в переговоры, принять меры, просят подождать и пр.

Особую тревогу у М. И. Трушковского вызывало то, что нечем было кормить людей и лошадей (даже тех, что были), продуктов не хватало. Он просит Карательный отдел направить в колонию продукты и сообщает о том, что через 2 дня не будет ничего для еды. Ответа нет. Спустя два дня он отправляет коротенькую, всего из пяти слов, но полную отчаяния и безысходности телеграмму: «Продовольствие исчерпано варить нечего Трушковский». На часах было 12 ч 57 мин. Пока не установлено, как люди жили в последующее время, но к 5 августа еще не решили, каким поездом можно отправить продукты. М. И. Трушковский снова просит продуктов и овса для лошадей, которые истощены и работать не могут. Эти просьбы повторяются изо дня в день. Наконец реакция наступила. Инспектор, которому передавались на исполнение телеграммы, пришел к выводу, что заведующий колонией не справляется с работой и надо ее проверить. Вскоре М. И. Трушковский оставил колонию. Заведующим был назначен А. Г. Бельский [ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 336. Л. 3]. Свою работу он начал с тех же просьб [ГА РФ. Ф. 474. Оп. 6. Д. 58. Л. 28, 32, 40–41, 52, 59, 60, 63, 66, 68–69, 83–84, 92, 140, 151–152, 165, 168–169, 198, 202, 209, 250, 326, 342]. Результат тот же.

Эта колония стала первым учреждением нового типа по исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы – исправительно-трудовой.

Создание таких колоний рассматривалось как свидетельство осуществляемой реформы тюремного дела, предусматривающей новые места заключения, способные оказывать воспитательно-карательное воздействие, для чего наиболее пригодным является труд.

Несмотря на трудности, связанные с общей социально-политической и экономической ситуацией в стране, неподготовленностью преобразований, они все-таки осуществлялись.

1 марта 1919 г. у ст. Лигово в Петрограде на бывшей даче А. А. Нарышкина открылась 1-я Петроградская сельскохозяйственная колония для лишенных свободы [28, с. 3–4].

Всего в соответствии с Инструкцией в 1919 г. было создано 9 сельскохозяйственных колоний (Московская, Петроградская, Новгородская, Курская, Тамбовская, Костромская, Тульская, Калужская, Самарская) [29, с. 8], в 1920 г. их было уже 15 [30, с. 6].

Справедливости ради следует отметить, что анализируемый документ инструкцией, как таковой, и не является. Если признать, что в документе изложены нормы, то придется согласиться, за исключением некоторых, они все декларативны. Абсолютное их большинство изложены абстрактно, в лучшем случае относительно определено. Здесь содержатся указания о том, что следует делать, исполняя наказание, то есть провозглашались декларации о намерениях, определялись принципиальные подходы к реформированию тюремной системы.

Однако Инструкция не содержала в себе никаких указаний относительно того, как, когда, каким образом, кому именно следует реализовывать провозглашенные общие требования, что, пожалуй, самое важное в инструкциях. Следствием этого явилось издание большого количества постановлений НКЮ по разным направлениям: от 19 марта 1918 г. «О порядке увольнения и назначения на должность тюремной инспекции и администрации», 7 августа 1918 г. «О создании тюремных мастерских, о внешних работах и оплате труда заключенных», 2 ноября 1918 г. «О привлечении всех здоровых заключенных к труду», 22 ноября 1918 г. «Об утверждении распределительных комиссий при карательных отделах губернских и областных отделов юстиции», 22 ноября 1918 г. «Временные правила распределения заключенных», 4 февраля 1919 г. «О тюремном режиме и о привлечении к ответственности виновных лиц в притеснении заключенных», 23 февраля 1919 г. «О порядке оплаты труда заключенных», 12 августа 1919 г. «Устав трудовых земледельческих колоний для лишения свободы», 5 августа 1920 г. «Правила об отпуске на работы в советские учреждения и предприятия заключенных специалистов» и др.

И все-таки, несмотря ни на что, теперь, с расстояния длиною в век, можно и нужно отметить, что в свое время Инструкция сыграла роль стабилизатора, что позволило приостановить распад учреждений и криминальный беспредел. В условиях разрушения старого и формирования нового государственного аппарата она позволила практическим работникам определить профессиональную и личную линию поведения, поскольку давала разъяснения относительно того, что требуется от персонала, как следует относиться к заключенным, какие меры применять и пр. Она устанавливала хотя бы общие, но официальные требования к поведению заключенных и была выразителем официальных взглядов на сущность и содержание лишения свободы как меры наказания и особенности его исполнения и отбывания.

Временная инструкция явилась первым правовым актом, объявившим и закрепившим систему учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, и основу их деятельности. Она положила начало развитию системы мест лишения свободы, которые в дальнейшем переходили от учреждений тюремного типа к учреждениям воспитательного характера.

Однако ветры перемен уже дули в другие паруса. Весной 1919 г. было принято Постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ», а в ноябре 1920 г. объявлено Положение об общих местах заключения. А это – уже совсем другая история.

Библиографический список

1. Советское государство. 1913. № 7.
2. Курицын В. М. Переход к НЭПу и революционная законность. М., 1972. 48 с.
3. Дриль Д. А. Призрение несовершеннолетних преступников, «нравственно испорченных», и беспризорных детей и подростков в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С. 100–112.
4. Беляева Л. И. Воспитание несовершеннолетних правонарушителей в России : в 3 ч. М., 2007. Ч. 1. 399 с.
5. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. 192 с.
6. Веселов А. Н. Низшее профессионально-техническое образование в РСФСР. М., 1955. 328 с.
7. Иванович К. А. Сельскохозяйственное образование в СССР. М., 1958. 240 с.
8. Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1961. 112 с.
9. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР / под ред. А. С. Бастышева. М., 1981. 350 с.
10. Христианович А. Школьное и профессиональное обучение в тюрьме // Тюремный вестник. 1902. № 3. С. 244–252.
11. Крживецкий Б. Внутренние арестантские работы и кустарный труд (по экспонатам 2-й Всероссийской кустарной выставки в Санкт-Петербурге) // Тюремный вестник. 1913. № 5. С. 839–871.
12. Цветков И. Пошив и починка сапог в тюремной сапожной мастерской // Тюремный вестник. 1916. № 11. С. 1095–1097.
13. Градусов В. Железнодорожные работы арестантов // Тюремный вестник. 1916. № 6–7. С. 657–672.
14. Терзиев Н. Профессиональное обучение питомцев воспитательно-исправительных заведений // Тюремный вестник. 1916. № 6–7. С. 679–699.
15. Дриль Д. Тюрьма и предупредительное воспитание // Журнал Министерства юстиции. 1990. № 3. С. 30–54.
16. Беляева Л. И. Патронат в России. 2-е изд. Воронеж, 2001. 137 с.
17. Акимов В. Патронат как орудие борьбы с преступностью // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1896. Кн. 9 (Ноябрь). С. 75–90.
18. Баранцевич Е. Патронат в жизни России. Томск, 1914. 425 с.
19. Гогель С. Роль общества в деле борьбы с преступностью. СПб., 1906. 287 с.
20. Курлянд И. Идея патроната как идея внутреннего управления. Ярославль, 1898. 245 с.
21. Демченко Г. Общества патроната. Их возникновение, устройство и деятельность. Киев, 1912. 23 с.
22. Люблинский П. Современное состояние и задачи обществ патроната // Право. 1908. № 10. С. 552–562.
23. Малинин Ф. Тюремный патронат // Тюремный вестник. 1905. № 8.
24. Познышев С. Очерки тюрьмоведения. Петроград, 1915. 295 с.
25. Фельдштейн Г. Патронат. Его необходимость и принцип организации. СПб., 1900. 56 с.
26. Люблинский П. И. Государственная помощь обществам патроната // Тюремный вестник. 1908. № 11. С. 710–730.

27. Отчет Московского общества ремесленно-земледельческих колоний для лиц, освобожденных из мест заключения, за 1912 г. М., 1913. 51 с.

28. 1-я Петроградская трудовая сельскохозяйственная колония для лишения свободы. Петроград, 1922. 16 с.

29. Тюремное дело в РСФСР. Отчет Центрального Карательного отдела НКЮ VII Съезду Советов. М., 1920. 26 с.

30. Тюремное дело в 1920 г. Отчет Народного Комиссариата юстиции по Центральному Карательному отделу VIII Всероссийскому Съезду Советов. М., 1920. 33 с.